

УДК 161.2

Николко В.Н.

СУЩНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЙ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель предлагаемой статьи – обратить внимание исследователей на сущностную сторону определений – их природное независимое от вербальных и мыслительных акций человека, содержание.

Онтологический статус определений в советской литературе практически полностью игнорировался. В “Философской энциклопедии”, в философских словарях, вышедших за годы советской власти, отсутствует важнейшая категория “определенность”, отсутствует обсуждение определений как процессов детерминации, обусловленности одних явлений другими. Определения сведены в лучшем случае к гносеологии, а в остальных случаях к логике. В учебниках по логике, монографиях по определениям (Д.П. Горского, например), в энциклопедиях и словарях речь идет исключительно о логическом аспекте определения: его видах, правилах, ошибках. Логический аспект определения отрывался от своих природных корней; вокруг процессов определения как логических процедур образовался ненужный ореол мистичности, иррациональности. Обсуждение процессов определения было лишено полноценного анализа. Поэтому, как это ни печально, материал, наработанный в советское время по определению, следует признать недостаточным по существу дела. Для иллюстрации только что сказанного в адрес прошлого достаточно ограничиться подборкой толкований определения в советской литературе (основных справочных изданиях).

“Определение, дефиниция (от *definitio* – определение), - читаем в “Философской энциклопедии”, автор Д.П. Горский [1, с. 150] - логический прием, позволяющий...” (далее читать не имеет смысла, но все же: “Поскольку результаты изучения объекта отображаются в соответствующих понятиях, определение можно рассматривать как формулирование (в явной и сжатой форме) содержания этих понятий. Окончательные результаты процесса определения фиксируются средствами какого-либо языка; с этой точки зрения определение есть предложением (или совокупность, конъюнкция предложений), отвечающее определенным логическим требованиям – правилам определения” и т.д.). Это писалось в 1967 году, но это же самое повторяется и в последующих годах, почти без изменения. Берем, например, “Философский словарь” 1980 года издания: “Определение (или дефиниция) – логический прием, позволяющий отличать, отыскивать, строить какой-либо объект, формулировать значение вновь вводимого или уточнять значение уже существующего в науке термина” [2, с. 263].

Отрыв логического аспекта от природных основ определения выхолостил знание об определениях и процессе их познания. Правила определения даются в догматической форме, не ясно откуда они берутся, почему такие, а не другие.

Аналогичная претензия к видам определений и т.д. Осваивающим логику остается заучивать, научиться применять и ничего более: самая точная и обосновывающая наука логика оказывалась на проверку схоластичной (оторванной от природных процессов, ограниченной лишь словесным материалом) и догматичной в своем существе – определениях...

Благодаря толковым словарям, словарям русского языка рассматриваемое понимание определения вошло в массовое сознание. Берем, например, “Словарь русского языка” Ожегова С.И., читаем: “Определение 1. См. определить. 2. Объяснение (формулировка), раскрывающее, разъясняющее содержание, смысл чего-либо” [3]. И далее: «Определить. 1. С точностью выяснить, установить. 2. Раскрыть словами содержание чего-нибудь» [3].

Вместе с тем, в словаре Ожегова С.И. при разъяснении термина “определить” в качестве 3, 4, 5 толкований встречаем следующее, важное для нас замечание: «определить – установить, назначить для какой-либо цели (определить меру наказания); обусловить (хорошая подготовка определила успех); - назначить, устроить на какую-нибудь должность (определить на службу)”.

Таким образом, толкование определения как некоторого процесса, отличного от логического содержания, уже имело место, но находилось на 3,4,5 ролях.

С падением Советского Союза положение дел с толкованием определения мало в чем изменилось. В учебных пособиях по логике, выпущенных после 1991 года, по-прежнему определение понимают в качестве логической или грамматической процедуры. “Определение – это логическая операция, заключающаяся в придании точного смысла языковому выражению, который позволяет, когда это требуется, выделить или уточнить значение этого выражения” [4, с. 166]. “Определение (лат. *definitio*) – установление смысла вновь вводимого символа или уточнение смысла символа, уже зафиксированного в естественном или формальном языке” [5, с. 166]. Обратим внимание – придать смысл термину – это наполнить его логическим содержанием. “Визначенням поняття називається логічна операція, яка розкриває зміст поняття” [6, с. 157].

Ситуация с толкованием сути определения в мировой логической литературе мне в полной мере неизвестна, но вот что пишет по этому поводу Patrick J. Hurley в “A concise introduction to logic”: “...Для большинства логиков сегодня определения относятся (предназначены) исключительно к объяснению значений слов...” [7, р. 79-80].

Между тем в истории философии наблюдается расширительное толкование определения как природного процесса, протекающего вне и независимо от человека, его речевых и мыслительных средств. Наблюдается тенденция рассматривать определение синонимом словосочетания “придать определенность некоторому явлению”: сформировать признаки, собственное содержание, детерминировать сущность, обусловить поведение. А (определяющее) определяет В (определяемое), если и только если под влиянием А, благодаря А, за счет А, в силу или по причине и т.д. А, В приобретает признаковую, сущностную, структурную или динамическую содержательность и отдельность. Определить некоторые X означает нечто иное, как конституировать X в форме некоторой особенности – качественной,

количественной, сущностной, структурной, динамической.

Определение выступает в окружающем нас мире процессом, сущностью которого является выражение содержания некоторого X (определяемого) как некоторой определенности. При этом “выражение” трактуется крайне абстрактно: от “истечения” до модификации и представления. Это же относится и к определенности: это и – заданность, и форма, и способ, и ипостась и т.п. В некоторых философских системах природно данная реальность, наличное бытие, действительность выступает результатом особого мирового процесса формирования из неопределенного первичного материала природы (материи, праматерии, субстанции, нечто) тел, процессов, явлений окружающего нас мира. У Аристотеля, например, определяющим выступает форма, определяемым – материя; результатом определения – наличная реальность. Форма детерминирует количественную и качественную определенности. У Д. Беркли определяет субъект, а материалом определения выступают ощущения. И. Кант определяющую роль отнес формам чувственного содержания. У Гегеля природное разнообразие явлений окружающего нас мира появляется не сразу, идет от ничто к тождеству, различию, единичному, частичному, общему, количеству, качеству и т.д., до полного перебора основных категорий логического каркаса мира. При этом нечто с каждой ступенькой, с каждым переходом к новой категории вбирает определенность этой категории, так что определение у Гегеля совпадает с движением от абстрактного к конкретному, с конкретизацией реальности.

Известна попытка понять место определения в структуре перехода реальности из стадии возможного в действительное, т.е. в бытие к границам, нормами, показателями, цифровыми данными. Определение в таком процессе оказывается посредующим звеном между неопределимой реальностью, т.е. возможностью, и ставшей реальностью, т.е. действительностью, обладающей точными характеристиками, однозначным поведением, статусом настоящего, как, например, это происходит в модели расширяющейся Вселенной, когда элементарные частицы, ядра, атомы, химические элементы, макротела, звезды, Галактики не имеются в наличности, а возникают в ходе большого взрыва. Определение совпадает с генерацией нового содержания, становится фрагментом творения мира. По сути дела, определение оказывается исходным, центральным процессуальным фрагментом мира: есть материал и среда определения – Логос, все остальное – вторичное. Тогда становится очевидным, что логические аспекты определения, сколько бы они ни были интересными, являются “вторичными” в определительных процессах: первичным выступает онтологическое содержание определения. Природа сама определяет, а логика лишь дублирует, а точнее – шифрует словесным способом процессы. Тайна определения опущена в природу, а не находится в психике и в процессах воспроизведения природного содержания в рациональных словесных формах.

Определение в философии выступает разновидностью природных процессов, в ходе которых одни природные силы (физические, механические, биологические, социальные) детерминируют, причиняют, обуславливают, обязывают признаковое, сущностное, структурное, динамическое оформление других. В этом случае

определение N есть не столько раскрытие содержания понятия об N, сколько процесс формирования содержания N; не столько раскрытие сущности N посредством слов, сколько детерминация сущности N; не столько раскрытие существенных признаков N, сколько обуславливание признаков природными связями и взаимодействиями на существенном уровне.

Во всяком определении, как природном процессе, присутствует ряд обязательных компонент:

- то, что определяет (определяющее),
- то, что определяется (определяемое), оно же есть результат, определение,
- материал определения,
- средства определения
- процессуальные стороны определения.

В мире ничто из ничего не возникает: всегда есть предпосылки, наполнитель, исходный материал, нечто, содержание. Законы сохранения однозначно гарантируют невозможность определения из ничего, ничем и за счет ничто. Всегда есть средства определения, среди них, в частности, субъект определения, объектное и результативное содержание определения.

СИНТАГМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРА

Структуры, в которых есть “определяемое – определяющее” со всем их процессуальным, результативным и сопровождающим содержанием, уместно назвать отдельным словом, а именно – синтагмой. Термин “синтагма” ввел крупнейший лингвист XX века Ф. де Соссюр. В имеющемся русском переводе его “Курса общей лингвистики” структуру синтагмы образует не определяемое – определяющее и подсобное им содержание, а линейные словосочетания, которые в силу невозможности одномоментного произношения приходится выстраивать в линейные цепи. “Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами”. Синтагма состоит из двух или более последовательных единиц (например: пере – читать, против всех, человеческая жизнь; если будет хорошая погода, мы пойдем гулять и т.д.).

Н.Н. Прокопович в книге “Словосочетания в современном русском литературном языке» со ссылкой на “Курс общей лингвистики” дает иное толкование синтагмы. Н.Н. Прокопович воспроизводит вышеприведенное определение синтагмы, но почему то далее пишет следующее: “Конечно, можно употреблять термин синтагма (как и какой-либо другой, вместо него примененный) в чрезвычайно отвлеченном, обобщающем значении как наименование любых языковых элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом – в отношениях определяющего и определяемого, т.е. так как и употреблял его де Соссюр” [9, с. 27]. Известно, также, что последователь Ф. де Соссюра – Н. Трубецкой, говорил об определительных синтагмах. Как бы там ни было, толкование Н.Н. Прокоповича сослужило добрую службу – использовать термин “синтагма” в значении любой (словесной, словогрупповой, предложной) речевой конструкции, в которой элементы находятся в отношении определяемого –

определяющего.

Мы предлагаем большее – использовать термин “синтагма” не только для обозначения речевых конструкций, в которых есть определяемое – определяющее, а для обозначения любого фрагмента мира, в котором присутствует разделенность его элементов на определяющие и определяемые.

Фундаментальной структурой мира, являющейся глобальной синтагмой, больше которой нельзя пока найти, является разделенность мира на сущее и бытие. Сущее – определяющее, постоянное, основополагающее, а в ряде случаев – сохраняющееся, присутствующее в мире всегда и везде. Бытие – временное, производное, меняющееся, возникающее, переживающее расцвет и отмирающее, в конце концов, – исчезающее. Важнейшими синтагмами мира являются синтагмы закона, закономерности – следствия; причины и следствия. Среди синтагм мира наблюдаются синтагмы типа: главное – второстепенное, исходное – производное, высшее – низшее, общее – частное – единичное, где общее выступает доминирующим началом, а частное – единичное – подчиненным, определяемым.

В наши планы не входит исследование онтологического содержания определительных процессов мира детально, а тем более в полном объеме. Это – задача частных наук и философии. Логика не открывает и не исследует конкретные синтагмы. Их задача – завершить процесс познания реальных синтагм в специальных вербальных (логических) формах. Тем не менее, ниже рассмотрены основные виды синтагм, имеющих для логического аспекта определений в современном мире важное значение.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СИНТАГМЫ

В соответствии с синтагмической картиной мира логическая часть определения того или иного N из окружающей действительности в самом общем виде сводится к

- 1) выделению всего многообразия синтагм, определяемым в которых служит N;
- 2) познание выделенного в п.1. многообразия;
- 3) словесного выражения результатов п.2 в соответствующей форме.

Вместе с тем, как показывает опыт определений, в выделенном в 1) многообразии всегда наблюдается разброс значений отдельных синтагм в формировании сущности N; каждая синтагма характеризуется некоторым весом, который соответствует его вкладу в определительный процесс N. В связи с этим реальный процесс определения N в логическом аспекте ограничивается поиском самой “выдающейся”, самой “тяжелой”, “значимой” синтагмы и ее словесным описанием. Среди “тяжелых” синтагм выделяются идентификационные синтагмы.

В природе самой по себе, безотносительно к человеку и его действиям, практически в каждом предмете N находят такие элементы, части, структуры, состояния или проявления N, которыми можно однозначно опознать N или, во всяком случае, установить (без предъявления самого N) их принадлежность N. Это так называемые необходимые и достаточные условия N или его идентификационные определители (синтагмы, но нашей терминологии). Необязательно идентификационные определители относятся к существенным или

качественным показателям N. Так, слона можно определить как самого крупного в настоящее время наземного животного. Но ясно, что не в этом его суть: крупный вес – лишь проявление сущности слона.

Примером идентификационной синтагмы служит взаимосвязь химического элемента и спектра его электромагнитного излучения: химический элемент определяет однозначно особый спектр, по которому столь же однозначно можно определить наличие, скажем, натрия в составе вещества, излучение которого нам дано.

Известно, что лакмусовая бумажка в кислотной среде краснеет, а в щелочной – синееет. Эти обстоятельства служат для идентификационного определения кислоты, соответственно, щелочи. Вместе с тем лакмусовую бумажку можно определить как такое образование, которое краснеет в кислоте и синееет в щелочи.

Генетический код идентифицирует отдельную биологическую особь: генетическая идентификация позволяет (в пределах ошибок) установить родственные связи людей. Иногда для следственных процессов идентификационными определителями человека служат его почерк, следы пальцев, расположение родимых пятен, рубцы, переломы и пр. показатели индивидуальной судьбы человека.

Примерами идентификационного природного вида определения предметов и явлений окружающего нас мира служат различные классификационные системы. Так, каждый химический элемент идентифицируется по месту в периодической системе Д.И. Менделеева. Количественно это находит выражение в “идентификационном номере” химического элемента – его атомном весе. Соответственно природной систематике животных и растений в биологии создаются определители растений и животных, - справочники, с помощью которых узнают имя той или иной особи, отдельного экземпляра и его принадлежность к соответствующим видам, родам, семействам, отрядам и т.д.

Идентификационная составляющая в определительных процессах естественного окружения человека столь велика, что определение в логическом аспекте в большинстве энциклопедических изданий сводится к словесному воспроизведению идентификации определяемого N. Берем, к примеру, “Физический энциклопедический словарь” [10]. Читаем: “Каменная соль (галит, поваренная соль) – минерал химического состава NaCl гексоктаэдрического вида симметрии. Кристаллы образуют кубическую гранецентрированную решетку с периодом 5,628 Å. Пространственная группа $Fm\bar{3}m$. Количество молекул в ячейке 4” и т.д. [10, с. 272]. Или: “Кальций (calcium) Ca – химический элемент II группы периодической системы Менделеева; порядковый номер 20, атомный вес 40.08. Принадлежит щелочноземельным металлам... и т.д. [10, с. 272]. Или: «Инфразвук – упругие колебания, аналогичные звуковым колебаниям, но с частотами ниже области слышимых частот. Обычно за такую границу принимают частоты 16-26 Гц...» [10, с. 207].

Бесспорно, идентификационное содержание предметов и явлений окружающего нас мира служит важнейшей составляющей определений. В ряде случаев поиск идентификационных синтагм составляет основу логического

определения. Но определение только к идентификации не сводится.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНТАГМЫ

В познавательных ситуациях имеет место несимметричность отношений субъекта и объекта: одно из этих явлений “определяет” другое. Возможны два типа гносеологических синтагм: (1) — объект определяет субъект; (2) — субъектная сторона определяет объектные характеристики.

В классическом естествознании считалось и считается до сих пор в познании макроскопических явлений, что процедуры познания — измерения, наблюдения, эксперимента, а тем более теоретические мероприятия по осмыслению их данных, не оказывают решающего влияния на познаваемый предмет, не изменяют его состояний, свойств, отношений, а если это и происходит, то это влияние можно снизить до порога ошибок или учесть и элиминировать из конечных результатов познания. Классическое познание (познание макромира) исключает определительное содержание гносеологических процессов или сводит его до минимума. Познавательные процессы не включаются в определительные процессы мира: измерить длину стола не означает придать столу такое свойство, которого у него до измерения не было. Измерение только калькулирует предмет. В эксперименте, на табло прибора, выносятся собственное содержание предмета эксперимента, — такое, которое есть у него само по себе. Измерить, наблюдать, экспериментировать с предметом — не означает (в классической парадигме познания) придание ему новой, не свойственной самому по себе объекту, определенности. В классическом естествознании реализуются синтагмы типа (1).

Современное естествознание несколько изменило гносеологическое содержание определений, им стало возникающие в процессе познания определенности вещей и явлений окружающего нас мира. В настоящее время (по крайней мере в теории относительности и квантовой физике) считается, что до измерения, наблюдения, эксперимента некоторый объект A имеет набор свойств N , а в ходе измерения N' , после измерения (наблюдения, эксперимента) N'' . Считается, что свойства появляются, добавляются, модифицируются и т.д.

Под влиянием квантовой физики и теории относительности гносеологический аспект определения все чаще отождествляется с влиянием познавательных процедур на познаваемый объект. Поскольку исключить (или выделить) влияние познания на познаваемый объект в принципе невозможно, то современная гносеология все чаще склоняется к идее отождествления познания с определением — познать предмет оказывается определить его. “Итак, в измерении определяется отношение одной (измеряемой) величины к другой однородной величине (принимаемой за единицу измерения); это отношение выражается числом (называемое численным значением измеряемой величины)” [11, с. 212]. В подавляющем числе диссертаций цель работы записывается словами: определить поведение N в условиях S . Большинство сборников задач и упражнений записывают их в форме: определить x , если оно.... Таким образом, распространено расширительное толкование определения как решения задач. Создается впечатление, что познавательная процедура оказывается детерминирующей показания, которых у самих по себе предметов нет, но которые

возникают в ходе познания. Вещь в себе в ходе познания приобретает новую определенность, которой у нее не было до измерения, оказывается вещью для нас, как полагал это И. Кант.

Первым, кто авторитетно заявил о том, что в современной физике реализуются гносеологические синтагмы (2), был П.У. Бриджмен (1882-1961) – лауреат нобелевской премии за эффекты в области сверхвысоких давлений (1946). Для Бриджмена определить время – значит его измерить, а измерить время – значит определить его. В этом суть теоретико-относительного понимания времени. Определить массу электрона – значит взвесить его массу, а взвесить – значит, определить массу электрона.

В соответствии с этим, содержания понятий (время и т.п.) могут иметь только то значение, которое устанавливается у них в ходе операционального вмешательства в их поведение. Таким образом, по крайней мере, часть терминов (и значительная) имеет и может иметь только операциональное содержание. Понятия, не связанные с какими-либо операциями, объявляются бессмысленными.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ

К социальным отнесем синтагмы, содержание определяемых частей которых утверждается волевым образом. В социальном контексте определения – важнейшая часть социальной реальности; форма коллективного поведения людей. Ни один нормативный акт не имеет смысла без соответствующих определений его ключевых терминов. Берем, например, “Правила дорожного движения”. Наряду с правилами, разрешающими, запрещающими, рекомендующими то или иное действие участников дорожного процесса, даются определения автомобильной дороги, безопасной дистанции, обгона, полосы движения, стоянки, остановки и др. фрагментов дорожной реальности. Так, например, по старым правилам действовавшим в СССР, стоянкой считается прекращение движения транспортного средства на проезжей части на время 5 минут и более, а остановкой – до 5 минут. По “Правилам дорожного движения Украины” на 1 октября 1998 года “жилая зона” определялась как дворовые территории, а также части населенных пунктов, обозначенных дорожным знаком 5.31 (“Жилая зона”). Мопед определяется как двухколесное транспортное средство, имеющее двигатель с рабочим объемом до 50 куб. см., а мотоцикл – двухколесное механическое средство, имеющее двигатель с рабочим объемом 50 куб. см. и более. В приведенных случаях мы имеем дело с некоторыми феноменами: здравый смысл подсказывает несуразность подобных определений стоянок, остановок, мопедов и мотоциклов: никакие природные обстоятельства самих, скажем, остановок и стоянок не указывают на их завязанность именно на пятиминутный интервал. Определение населенного пункта вообще кажется абсурдным, если не иметь в виду, что содержание некоторых дорожных явлений определяет воля правилодателя, что, кстати, в полной мере и отразилось в определении жилой зоны: что хочу то и делаю, жилой зоной будет любое X, границы которого обозначены знаком 5.31. «Жилая зона»).

Рассмотренные примеры, а их число можно увеличить, демонстрируют суть определительных процессов в обществе: определение оказывается формой

волеутверждения, видом волеустановления, предметом договоренности людей, участвующих в том или ином социальном процессе.

К истинности эти определения (в противовес научным определениям) никакого отношения не имеют и, в принципе, не должны иметь: из назначение – эффективно организовать социальное бытие. Естественно полагать, что субъект, являя волю в качестве определений, не обязан согласовывать её с кем-либо или чем-либо. Когда политический субъект говорит что А есть В и т.д., он этим выражает, что он хочет видеть в А, а не то, что есть А, возможно, на самом деле. Когда определяют право личности как ее социальные возможности, детерминированные экономическими условиями жизни общества и законодательно закрепленные государством, не могут не понимать, что это определение контрастирует с определением прав личности как неотъемлемых, природно детерминированных условий существования человека. Определяя обязанности человека как объективно необходимое, должное поведение людей, юрист лукавит, ибо это всего-навсего – общественно-требуемое, определяемое инструкцией (или ее эквивалентами) поведение людей. Элемент объективной необходимости, а тем более природной заданности, имеет место в некоторых обязанностях, но не всегда и не во всем.

Таким образом, в контексте рассматриваемых реалий, определить – значит установить волевым порядком содержание того или иного фрагмента социальной реальности, ввести в структуру социального, группового поведения ориентирующий центр, упорядочить ткань социальной реальности в аспекте волеизлияния законодателя. Словосочетание “по определению” в социальной реальности эквивалентно словосочетанию “по моей воле”. Всякое выражение говорящего о природе экономических, политических и пр. явлениях, которое начинается словами “по определению А”, следует трактовать как то, каким должно быть А в структуре создаваемой социальной реальности, а не как то, какой есть А в иных структурах. В этом специфика социальных синтагм. Общество соткано из социальных синтагм. Социальное поведение людей ориентируется на понятия, содержание которых определено, хотя бы в некоторой части, волей законодателя.

Как уже указывалось, определения социальной сферы не связаны, в отличие от научных определений, принципом истинности. И тем не менее волевые определения, как и волевые решения, могут быть абсурдными, странными, одиозными и т.д. Чтобы не быть таковыми, вырабатываются правила социальных определений. В их составе есть логические и нелогические. К нелогическим обычно относятся эффективность в том или ином смысле; соответствии воле социума, от имени которого выступает определяющий, учет специфики действия определения и т.п. К логическим – непротиворечивость, нетавтологичность, концептуальность. Остановимся на анализе определений в социально-политических науках, которое имеет место в определениях естественных наук, но не обязательно в них. Впрочем, концептуальность не обязательна и в общественных науках, но желательна. Пусть у нас есть список ключевых терминов $A_1, A_2, A_3 \dots A_n$, которые формируют терминологический каркас науки (в нашем случае, общественной). Пусть, далее, мы имеем коллекции определений ключевых терминов. Обозначим их $I(A_1), I(A_2), I(A_3), \dots I(A_n)$. Каждый из списков, например $I(A_2)$ включает в себя, скажем, к

определению I_i^2 (I принимает значение от 1 до k). пусть, далее, мы составляем списки определений ключевых терминов по следующему принципу: в каждый список входит только одно определение каждого ключевого термина, но каждый ключевой термин представлен в списке. Другими словами, пусть у нас имеется n урн (по числу ключевых терминов), в каждой урне на отдельных листочках записаны определения соответствующего ключевого термина. Пусть некто выбирает из каждой урны по одной записке, не исключая ни одну. Собранное таким образом множество записок образуют то, что назовем «списком». Списков достаточно много, но нас интересуют, естественно, совместимые. К ним отнесем только те списки, в которых не найдется ни одной пары противоречащих друг другу определений. Среди совместимых выделим такие, в которых все определения построены по схеме A есть K , которое ... Это дает возможность выделить категории(рода), на основе которых вводятся ключевые термины. Пусть в результате проделанной работы этими категориями будут K_1, K_2, \dots, K_n . Множество категорий как правило можно упорядочить иерархическим образом.

Любой совместимый список определений ключевых терминов с явно выделенным набором всех категорий назовем концепцией. Назовем концепцию идеальной, если она соответствует воле большинства населения некоторого социума, и, более того, - эффективна.

Список литературы:

1. Философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
2. Философский словарь /под редакцией И.Т. Фролова/. – М.: Политиздат. 1980.
3. Ожегова С.И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1953.
4. Ивлев Ю.В. Логика. – М.: Изд-во Московского университета, 1992.
5. Логический словарь Дефорт. /под ред. А.А. Ивина, В.И. Переверзева, В.В. Петрова/. – М.: Мысль, 1994.
6. Конвертский А.Е. Логика. – Киев, 1999.
7. Patrick J. Hurley. A concise introduction to logic – Belmont: California: Wadsworth Publishing Company, 1988.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Логос, 1998.
9. Прокопович Н.Н. Словосочетания в современном русском литературном языке. – М.: Просвещение, 1966.
10. Физический энциклопедический словарь. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1962.
11. Омеляновский М.Э. Философские аспекты теории измерения // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М.: Наука, 1968.
12. Правила дорожного движения – Симферополь: Реноме, 1998.

Поступило в редакцию 24.09.2001